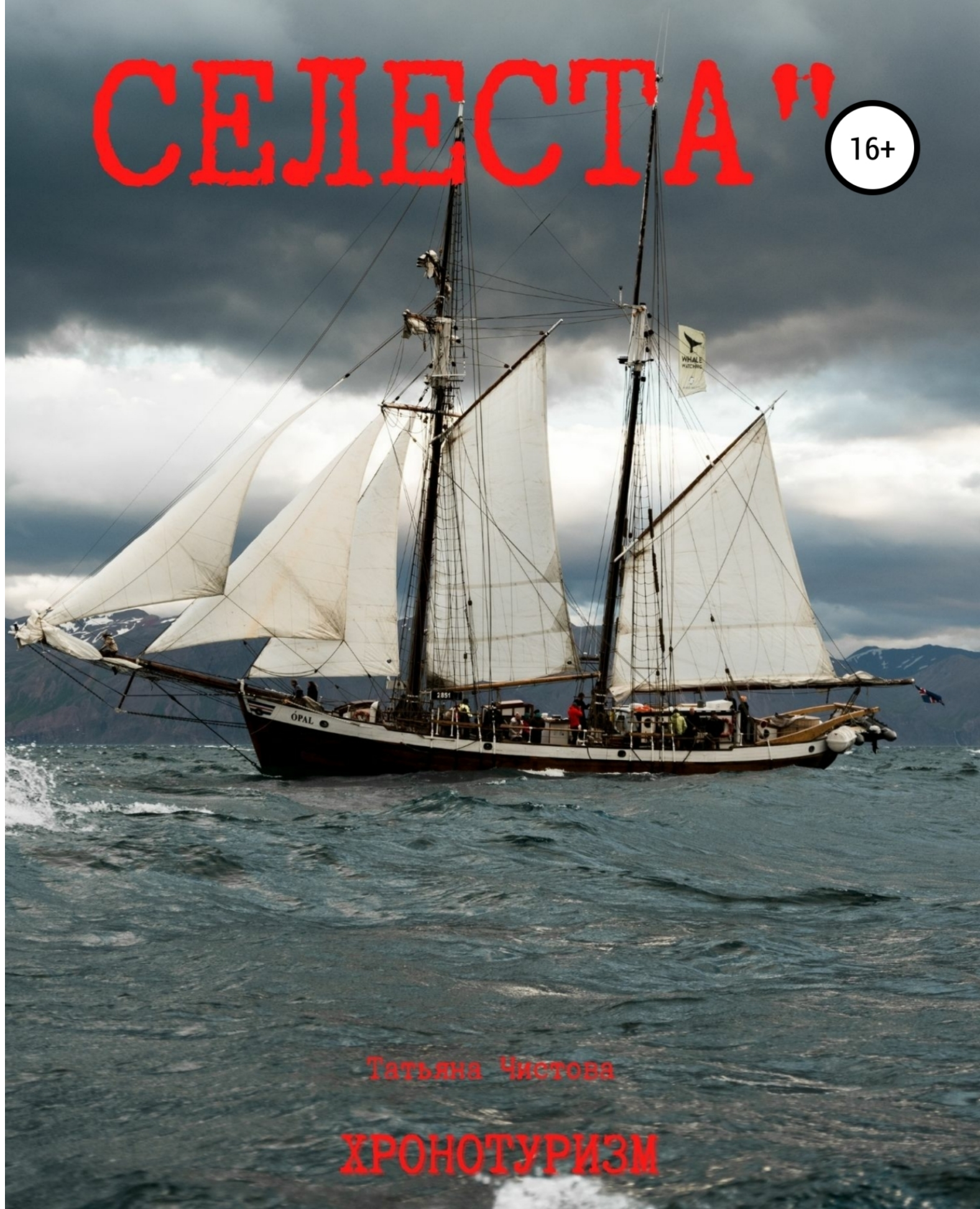

"МАРИЯ СЕЛЕСТА"

16+

Татяна Чистова

ХРОНОТУРИЗМ

Татьяна Чистова
«Мария Селеста»

«Автор»

2011

Чистова Т.

«Мария Селеста» / Т. Чистова — «Автор», 2011

«Мария Селеста» – самый знаменитый корабль-призрак. Найден в 1872 году дрейфующим в Атлантическом океане. Вся команда бесследно исчезла. Сотни гипотез, более ста лет догадок и неизвестности... Павел с детства интересовался загадкой «Марии Селесты», знает о ней все. Его мечта – узнать, что же случилось на самом деле. Он отправляется на борт «Марии Селесты» – в день, когда была сделана последняя запись в судовом журнале. Увидеть все своими глазами, пережить все вместе с экипажем. Узнать правду пусть даже и ценой жизни. И он узнает правду. Невероятную, поразительную правду... Ранее книга выходила под псевдонимом Татьяна Михайлова

© Чистова Т., 2011

© Автор, 2011

Татьяна Чистова «Мария Селеста»

– Удовольствие не из дешевых, но оно того стоит. Следует учесть, что вы платите не только за перемещение вашего физического тела по времени и в пространстве, но и за саму возможность попасть на борт корабля-призрака! Редкую, заметьте, и не каждому доступную! Будь у меня хоть часть ваших э-э-э-э, ресурсов....

Дверь открылась, и в кабинет финансового директора впорхнула изящная блондинка лет двадцати трех в черно-белой офисной униформе. Девушка процокала каблучками-копытцами к столу начальства, проговорила что-то вполголоса и покосилась на Павла. Тот перехватил взгляд хищницы и отвернулся к аквариуму – вмонтированная в стену емкость с морской водой литров на сто, не меньше, гипнотизировала. Созерцание размеренной, спокойной и яркой жизни рыб, моллюсков, водорослей и кораллов настраивало на медитативный лад, и Павлу в такие минуты не хотелось думать ни о чем. Тяжелые мысли и ненужные эмоции, словно устыдившись вида царственной красавицы-крылатки и вальяжного полосатого «ангела», сгорали где-то внутри, и после них на душе оставалась лишь пыльная горечь. Но Павел чувствовал – достаточно лишь одного хорошего порыва свежего ветра, как от осадка не останется и следа. И, по уверениям господина финдиректора, до этого момента оставалось совсем немного. Секретарь обиженно повела плечиком, скривила губки и не удостоила грубияна-клиента прощальным взглядом. Прошествовала мимо с оскорбленным видом и выразительно, с чувством, хлопнула директорской дверью.

– Все в порядке, прошу вас, – на темную столешницу легла банковская карта. Павел накрыл ее ладонью, подтянул к себе и небрежно запихнул в карман пиджака. Косовский Сергей Рудольфович – это имя значилось на визитке под обозначением должности финансового директора фирмы «Хронотуризм» – проследил путь куска пластика, вздохнул негромко, но тут же перевел взгляд на клиента и радушно улыбнулся.

– Так о чем я... Ах, простите, меня сбили с мысли. Так вот, имей я, будь у меня... В общем, – финдиректор вконец запутался и поэтому решительно обрубил фразу:

– Я бы решил, что жизнь прожита не зря, а после такого путешествия можно и умереть.

– Так вы «там» не были? – удивление Павла было искренним. Странно, уж этим-то яйцеголовым, казалось бы, сам Бог велел, у них работа такая. Шастай себе туда-обратно, сколько душа пожелает, пока не надоест.

– Нет, к сожалению нет. Но может быть когда-нибудь... Тем более что проект засекретили и взяли под контроль власть предрежающие самого высше-го уровня!

Последние слова Сергей Рудольфович произнес шепотом. «Влипли вы, друзья. Теперь мало того, что вы до конца жизни дальше Сочи не уедете, так еще и в сортир под конвоем ходить будете. Какие уж вам теперь турпоездки», – но слова сочувствия Павел решил оставить при себе. И направил беседу в иное русло:

– В моей платежеспособности вы убедились, договор подписан. Согласно выбранному тарифу я оплатил сутки пребывания на «Марии Селесте» и могу взять с собой пятнадцать килограммов груза. Единственное, с чем я еще не определился – это срок исполнения. Один миллион долларов – это немаленькие деньги, и я должен быть уверен в том... – Павлу пришлось замолчать. Финдиректор замахал руками и одновременно закивал головой, выражая свое полное понимание.

– Вы можете быть абсолютно уверены в том, что окажетесь в нужном месте в нужное время. Погрешности бывают, не без этого, – система все еще проходит тестирование, и случаются досадные сбои... Но на более коротких временных промежутках, чем ваш, – торопливо поправил сам себя Сергей Рудольфович и вдохновенно продолжил:

– Единственное, с чем мы можем промахнуться – это расстояние, разброс составит километр-другой, не более того. Но там, где вам предстоит оказаться, это несущественно, мы снабдим вас всем необходимым, и вы проведете время с комфортом и в полной безопасности, а также не останетесь незамеченным. По отдельному прайсу, конечно. Но что такое оплата дополнительных услуг по сравнению с тем, что вы уже приобрели? Об этом смешно даже говорить. Нет, нет, не сейчас, – пресек финдиректор попытку Павла вновь извлечь кредитку, – в день перемещения, после того, как вам подберут экипировку и снаряжение. А этот день нам назовете вы. – Сергей Рудольфович лучезарно улыбнулся и закрыл крышку стоящего перед ним на столе ноутбука.

Павел поднялся с удобного кожаного кресла и в сопровождении хозяина кабинета вышел в приемную. Секретарь дежурно улыбнулась на прощание, пожелала всех благ и вновь прилипла к телефонной трубке. Указательным пальцем правой руки с острым, пестро раскрашенным ногтем она водила по строчкам прайса и чирикала в трубку:

– Нет, если вы выберете этот тариф, то мы ничего не сможем вам гарантировать. Точность программирования по месту и по времени нулевая, это типичная «русская рулетка» и забросить может куда угодно. Да, конечно, желающие есть, и их много. Нет, тариф «Умеренный» в два раза дороже... – Последние слова донеслись до Павла уже из-за полузакрытой двери кабинета. Финдиректор проводил клиента до двери в конце коридора и сдал его молчаливому, но предупредительному и внимательному охраннику. Серьезный юноша открыл дверь с кодовым замком и теперь терпеливо ждал, когда закончится диалог начальника и клиента:

– В любое время на ваш выбор – днем или ночью, нам все равно. Как вам будет угодно, – в интонации Сергея Рудольфовича Павел расслышал те же нотки, что и в голосе оставшейся в приемной секретарши. На этом распрощались. Финдиректор резвой рысцей рванул подсчитывать чистую прибыль от сделки, а Павел в сопровождении охранника направился к выходу.

«После такого путешествия можно и умереть. Что ты знаешь о смерти? О том, как она приближается, подходит издалека, останавливается напротив тебя и смотрит – но пока неуверенно, словно прикидывает, вернее, прицеливается. И долго так стоит, очень долго. Так долго, что от одной мысли о том, что это уже точно все, можно самому рвануть ей навстречу. «Давай, уже, девушка с косой, не томи. Раз пришла, то чего ты там телишься? Подходи, не стесняйся. Пришла девчонка, стоит в сторонке... Хватит уже, соображай быстрее», – Павел чуть улыбнулся своим мыслям, снова повторяя давно отрепетированный и не раз произнесенный свой внутренний диалог. Ушла «девчонка», тоже обиделась, наверное. Не ждала, что ее встретят без должного трепета и почтения, что отнесутся к ее приходу легкомысленно и даже пренебрежительно. «Всех распугал», – улыбка мигом исчезла. Когда он почувствовал, что поставленный ему диагноз ошибочен? В тот момент, когда результаты исследования сообщил ему порозовевший от радости и торжественности момента профессор в швейцарской клинике? Нет, раньше, гораздо раньше, за неделю или полторы до того разговора. Павел отлично помнил этот день, вернее, его вторую половину. Как всегда просматривал новости, и одно сообщение привлекло его внимание: «Двенадцатиметровый катамаран был обнаружен неподалеку от берега Квинсленда, северо-восточная Австралия. Яхта, которая покинула Эрли-Бич две недели назад, была обнаружена около Большого Барьерного рифа в прошлую среду. Когда на неё высадились, то обнаружилось, что двигатель работает, портативный компьютер и система GPS включены, даже стол сервирован, но команда, которая состояла из трех человек, на борту отсутствует. Все паруса яхты были на месте, но сильно повреждены. Три спасательных жилета и прочее спасательное оборудование было на месте. Поиск команды прекращён в прошлое воскресенье, поскольку выживших найти так и не удалось». Эту новость Павел перечитал несколько раз, потом выключил ноутбук, вышел на балкон. Состояние – словно вернулся на четверть века назад, да какие там четверть века, больше, гораздо больше.

«Нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем...» Есть, еще как есть, она здесь, она никуда не делась, она вновь переносит его обратно в детство, в тот день, когда Павел еще школьником впервые услышал невероятную историю «Марии Селесты». Тот рассказ, вычитанный в одном из журналов, – это была толстенная подшивка «Вокруг света» – Павел выучил наизусть. И скоро знал об этом корабле все, начиная с момента его постройки и до того дня, когда в начале января 1885 года красавица-бригантина была превращена океанским прибоем в груды плавающих щепок. Услышанная в детстве история не отпускала, и Павел в мыслях часто возвращался к событиям почти полуторавековой давности. Именно из-за них он даже выучил английский, чтобы самостоятельно проштудировать все доступные источники – газеты, журналы, воспоминания современников. Зарубежные, естественно, советская пресса сообщения о кораблях-призраках игнорировала. И в любое время дня и ночи с закрытыми глазами мог пересказать историю судна, покинутого экипажем по невыясненной причине и найденного четвертого декабря 1872 года в четырехстах милях от Гибралтара. Грустную историю, надо сказать, несчастливую, запутанную и с подобающим финалом. Построенная в доках Новой Шотландии – провинции на востоке Канады – бригантина в момент своего рождения получила название «Амазонка» и всю свою жизнь пользовалась дурной славой. Неудачи преследовали судно с первого же его выхода в море. Сначала погиб капитан, затем корабль несколько раз менял владельцев – до тех пор, пока бригантину не выкинуло на берег во время шторма у берегов той же Новой Шотландии. После ремонта корабль попал в руки к новому хозяину – американцу, он-то и переименовал бригантину в «Марию Селесту». Под этим именем она и прославилась как корабль-призрак. Свободно дрейфующее, покинутое экипажем судно между Азорскими островами и Португалией обнаружил идущий встречным курсом корабль. На «Марию Селесту» так же, как и этот злосчастный австралийский катамаран, с брига «Деи Грация» высадились, тщательно обыскали и осмотрели покинутое экипажем судно. Но без толку – на корабле не оказалось ни живых, ни мертвых. Лючные крышки лежали на палубе, а окна кормовой надстройки, где находилась капитанская каюта, закрыты брезентом и заколочены досками. Промежуток между палубой и переборкой полностью заполнился водой, она залила трюм, заполнив его на три с половиной фута. Других повреждений у бригантины не было. Расположение вещей, предметов, обстановка – все говорило о том, что судно в шторм не попадало. В капитанской каюте и в кубриках был порядок, все ценные вещи: деньги и драгоценности – оказались нетронуты, так же как и груз – одна тысяча семьсот один баррель спирта. Также на месте оказался судовый журнал, полугодовой продовольственный запас и трубки матросов. Зато исчезли карты, документы на груз, а также секстан и хронометр.

Делалось немало попыток объяснить всю эту чертовщину. Учрежденная Британском адмиралтейством комиссия провела обстоятельное следствие с подробным обследованием судна (в том числе и ниже ватерлинии) водолазами и тщательным опросом очевидцев. Самой привлекательной была версия пиратского нападения на корабль – именно к ней склонялись и журналисты, и следствие, и простые обыватели. Но мешало одно маленькое «но»: похитив людей и навигационные приборы (даже если учесть, что в те времена они ценились очень высоко) пираты почему-то не тронули груз спирта-ректификата. Версии: мятеж на борту, воспламенение паров спирта – не подтвердились, гипотеза о сговоре капитанов «Марии Селесты» и «Деи Грации» также оказалась несостоятельной. Единственное, в чем все сторонники и противники различных вариантов развития событий в тот роковой день были единодушны так это в том, что экипаж покинул бригантину самостоятельно. В пользу этой вероятности говорили сразу два факта – исчезновение единственной шлюпки и отсутствие на камбузе следов приготовленной пищи. Возможно, ее прихватил с собой кок для остальных членов экипажа и пассажиров. Всего на борту «Марии Селесты» по состоянию на двадцать четвертое ноября 1872 года, если верить записи в судовом журнале, находилось десять человек. Восемь членов

команды – капитан Бенджамин Бриггс, Альберт Ричардсон, помощник капитана, а также второй помощник капитана, четверо матросов, стюард и кок в одном лице. И две пассажирки – жена капитана «Марии Селесты» Сара Элизабет Бриггс и их дочь – София Матильда Бриггс, двух лет от роду. И они исчезли – все до единого. Павел был готов дорого заплатить за то, чтобы узнать, что же там произошло, в этот промежуток времени с двадцать четвертого ноября 1872 года – даты последней записи в журнале капитана и до четвертого декабря, когда судно было найдено покинутым. И вот новая, почти в точности повторившаяся через сто сорок лет история с катамараном у Большого Барьерного рифа выдернула на поверхность подзабытый уже порыв, страстное, граничащее с манией желание узнать, что же на самом деле произошло на борту «Марии Селесты», а лучше увидеть это все собственными глазами. «Если обойдется, то никаких денег не пожалею», – подумал Павел тогда, разглядывая тучи над вершинами швейцарских Альп с балкона своей одноместной палаты. И уже через несколько дней после этого сообщения во время очередной консультации радостный, круглый и розовый, как воздушный шарик, профессор сообщает, что господин Sergeeff может не волноваться. Он абсолютно здоров, вот подтверждение – все показатели в норме, некоторые даже превышают ее. Формула крови восстановлена, вот спектрограмма и расшифровка.

Два независимых специалиста подтвердили, что опасности для жизни нет, операция в обозримом будущем не понадобится, и здоровью пациента ничего не угрожает. В общем, все в порядке, диагноз-приговор снят и о нем надо поскорее забыть. И лучшее лекарство, которое ему, профессору, известно – это путешествие, желательно – кругосветное. У Павла на этот счет были свои соображения, и делиться с врачом они ими не стал. Подписал счета, собрал вещи и в аэропорт, в Москву. И уже на следующий день оказался в кабинете финансового директора фирма «Хронотуризм». Посмотрел их прайс, обсудил его – по пунктам – с предупредительным и разговорчивым господином Косовским и решился. Второй день рождения как-никак, чего мелочиться, давайте уж по максимуму. Вопрос решился легко и непринужденно, к удовольствию обеих заинтересованных сторон. Договор, в котором турагентство обязуется оказать Клиенту за соответствующую плату туристическое обслуживание, Павел подмахнул не глядя. Чего читать, и так понятно, что эти очкастые умники снимают с себя любую ответственность, и «в случае непредвиденных обстоятельств» в гибели туриста виновным окажется сам турист. Бодаться с этой лавочкой бесполезно, да и выйдет, вконец концов, себе дороже. Сергей Рудольфович как бы невзначай обмолвился, что бизнесу «Хронотуризм» придан статус госпроекта, курируют его на таких уровнях, что даже обеспеченным людям и не снились, а территория института и лаборатории охраняется покруче, чем атомные станции и президентские резиденции вместе взятые. Да и не в этом дело – обычные осторожность, осмотрительность и практичность сразу остались за порогом кабинета, здесь их присутствие было неуместно. Гарантированная возможность вернуться почти на полтора века назад и оказаться на борту корабля-призрака затмила голос разума. Не отрезвила и значительная сумма, ушедшая с кредитки на счет турфирмы – сейчас Павел думал только об одном. Он давно смирился с тем, что есть вещи, которые нельзя купить ни за какие деньги. Здоровье, например, или лишний год жизни. Но сейчас в его мировосприятии образовалась значительная брешь, в нее уже утекли полмиллиона долларов, и еще столько же были готовы отправиться следом. И черт с ними, значит, туда им и дорога... Деньгами Павел разбрасываться не привык, цену многим вещам отлично знал, и переплачивать не собирался. Но то, что предлагали эти умники, было не просто невероятным или фантастическим – здесь, в этих окруженных кольцами охраны и минными полями стенах института и лаборатории, сказка действительно становилась былью. А за возможность реализовать мечту не то, что часть состояния – последнее отдашь.

Павел и отдал – как под гипнозом, сам передал в когти больше похожей на чирлидершу (только без обязательных цветных помпонов в руках), чем на секретаря финансового директора красоте свою кредитку. И после того, как внес предоплату, вдруг понял, что не готов

пока назвать точную дату своей переброски. Почувствовал, что сейчас ему нужно взять паузу, нужно время – не для раздумий, чего тут думать, когда денешки уже того... На осознание и осмысление того, что вскоре должно случиться. Пришлось выкручиваться, отговариваться неотложными делами и вдруг возникшими проблемами. А их и впрямь было немало – бизнес не терпит чужих рук. За время, проведенное в Швейцарии, тоже нужно платить – Павлу пришлось на время отойти от дел, и теперь ускоренными темпами он наверстывал упущенное. Просмотр отчетов, звонки, переговоры и деловые встречи съедали дни, как ржавчина уничтожает старый металл. Но ежедневно, в любую свободную секунду, в любой образовавшийся временной просвет Павел думал только о предстоящем путешествии. Он даже извлек на свет божий красную картонную папку с потрепанными тесемками-завязками. В ней лежали его старые, сохранившиеся еще со школьных времен записи, дневники и полученные несколько лет назад фотокопии протоколов допросов капитана и матросов с судна «Деи Грация», которые и привели покинутую людьми «Марию Селесту» в Гибралтар. Павел перечитывал строки, написанные его собственным аккуратным ровным почерком, особенно те эпизоды, которые пытался комментировать и найти им объяснение самостоятельно. Вот его давняя попытка объяснить произошедшее: «Один из вопросов, на который не нашла ответа комиссия, созданная при Британском адмиралтействе для проведения расследования – почему иллюминаторы кормовой надстройки были закрыты брезентом и заколочены досками? При плавании из Нью-Йорка к Гибралтарскому проливу каждый вечер солнце заходит по корме судна и при этом светит в иллюминаторы кормовой надстройки. А там, в каюте, жена капитана в это время укладывает спать свою дочь, и солнечный свет мог мешать ей. Я думаю, что именно поэтому и пришлось затемнить эти иллюминаторы с помощью старого паруса, закрепленного досками». Возможно, что так оно и было на самом деле, а возможно... Чего гадать, когда стоит лишь набрать номер и произнести кодовую фразу: «Я приеду завтра». А когда взятое на раздумье время истекло, Павел снова понял что не готов. Это стало понятно после нескольких несложных вопросов, заданных ему уже в лаборатории, а именно: как он планирует продержаться в ледяной воде Атлантики до подхода «Марии Селесты», что возьмет с собой из снаряжения и в каком виде он предстанет перед людьми из девятнадцатого века. Ответом было лишь беспомощное молчание – всю неделю Павел думал о чем угодно, только не о фасонах мужского костюма давно прошедшей эпохи и не о климатических условиях в точке «приводнения».

Но местные умники – люди опытные, расчетливые и практичные, деньги за свои услуги брали не зря. Они не только обещали гарантированно переместить тело клиента во времени и пространстве, но и думали за него. О снаряжении, например, об одежде, о защитных средствах. Да еще много о чем – получивший возможность реализовать заветную, казавшуюся несбыточной мечту платежеспособный заказчик после подписания договора напоминал токующего глухаря. То есть ничего вокруг себя не видел и не слышал, поглощенный лишь предвкушением предстоящего путешествия во времени.

– Итак, расчетное время вашего прибытия в точку с заданными географическими координатами 36 градусов 57 минут северной широты и 27 градусов 20 минут западной долготы. Именно там находилась «Мария Селеста» в тот день, когда была сделана последняя запись в судовом журнале бригантины. Это двадцать четвертое ноября одна тысяча восемьсот семьдесят второго года. Когда вы окажетесь в океане, температура воды будет градусов десять-двенадцать. К тому же зимой в Северной Атлантике дует постоянный норд-вест. Я думаю, что вам понадобятся спецсредства, – на стол перед Павлом лег объемистый каталог с цветными иллюстрациями. «Индивидуальные спасательные средства» – значилось на его обложке. А острое карандаша, зажатого в пальцах сотрудника «вспомогательной службы» указывало на фотографию с изображением тряпичной куклы ярко-оранжевого цвета. Павел внимательно посмотрел на иллюстрацию, потом перевел взгляд на «консультанта». Молодой человек лет двадцати

пяти в строгом костюме, белоснежной рубашке и черных кроссовках легко и непринужденно выдержал паузу, затем снова заговорил:

– Низкая температура окружающей среды представляет собой угрозу жизни человека не меньшую, чем опасность утопления. Даже сравнительно кратковременное пребывание в холодной воде может привести к переохлаждению организма и смертельному исходу. Для уменьшения потерь тепла телом человека в холодной воде предназначен гидротермокостюм. Предлагаемый вам образец изготовлен из водонепроницаемого материала с теплоизоляцией. Этот гидротермокостюм обеспечивает комфортное пребывание человека в воде, температура которой колеблется от нуля до плюс двух градусов по Цельсию, в течение шести часов. При этом внутренняя температура тела человека снижается в час не более чем на градус. Также здесь имеется спасательный пояс с карабином, – острый карандаш переползло в центр фотографии, – а также штуцер, при помощи которого можно стравить лишний воздух.

Павел молча следил за перемещением карандаша по бесформенным ядовитого цвета контурам индивидуального спасательного средства, но вопросов пока не задавал. Он пытался представить себя в таком чудовищном виде на борту бригантины. Если все будет происходить именно так, как предлагает этот юноша, то до разгадки тайны дело не дойдет. Экипаж «Марии Селесты» сам добровольно покинет корабль, узрев на палубе оранжевое нечто. Или проскочит в море мимо, совершенно справедливо приняв «туриста» за посланника ада. Но «консультант» невозмутимо поправил на остром носу очки в тонкой оправе и продолжил на удивление занудным и монотонным голосом:

– Этот гидротермокостюм хорош еще и тем, что поможет вам без проблем проплыть небольшое расстояние и забраться в спасательное средство. Ещё он позволяет подниматься и опускаться по вертикальному трапу и прыгать в воду с высоты до четырех с половиной метров, но вам это не понадобится. Итак, оказавшись в воде, вы первым делом извлекаете следующий элемент снаряжения, – страницы каталога перевернулись словно сами собой, и теперь Павел послушно рассматривал выделенный ярким цветом прямоугольник с указанием габаритных размеров.

– В комплект входит спасательный надувной плот, он легкий и компактный, наполняется воздухом за считанные секунды. Баллончик с сжатым газом уже будет вставлен в клапан, нажал, выждал несколько секунд и готово. Плот весит всего четыре килограмма, так что перегруза можно не опасаться. Итак, оказавшись на плоту, вы расстаетесь с гидрокостюмом – я бы советовал вам утопить его во избежание ненужных расспросов. Затем вы вооружаетесь вот этим, – страницы каталога вновь пришли в движение, – фальшфейером белого огня для подачи сигнала, чтобы на вас обратили внимание. Или красного – на ваш выбор. Их лучше взять сразу несколько штук – весят они немного, а сгорают быстро. Впрочем, могу предложить еще такую штуку, как огонь спасательный самозажигающийся. Веса в нем побольше, но и время действия светового сигнала составляет не менее двух часов. Для страховки можно взять сразу две или три штуки. Есть еще звуковые сигнальные средства, но я не думаю, что они вам пригодятся.

Наконец, юноша иссяк, утомился и в ожидании вопросов воззрился на клиента. Павел еще с минуту листал толстенный каталог, потом оторвался от ярких страниц и спросил:

– А что, в Северной Атлантике акулы глухие? – но шутка не удалась. Юноша то ли не понял её, то ли ко всем высказываниям клиентов привык относиться со всей серьезностью.

– К сожалению, в этом вопросе я некомпетентен и ничем помочь вам не могу. Вам лучше обратиться к специалисту, я сейчас приглашу его, – и потянулся к карману своего пиджака за мобильником.

– В этом нет необходимости, – остановил его Павел, – акулу я там вряд ли встречу. Дельфинов – может быть, и то сомнительно. Но сейчас не об этом. Я, честно говоря, только сейчас сообразил – от меня же там шарахаться будут. В том смысле, что встречаются по одежке...

Договорить Павлу снова не пришлось – у «консультанта» после паузы открылось второе дыхание. Он все же добрался до своего мобильного, прошелестел невнятно что-то в трубку и уже ясным и звонким голосом произнес:

– Вы абсолютно правы. Но все, что касается экипировки – это рядом, в соседнем помещении. Я вас провожу. – И вскочил из-за стола.

Пришлось подниматься, выходить из кабинета и топать в следующий – через две двери по пустому коридору. Чтобы оказаться в самом настоящем ателье среди окутанных зашпиленными отрезами ткани манекенов, рулонов разноцветного материала на столах, портновских ножниц и измерительных лент.

– Это будет девятнадцатый век, его вторая половина, если я все правильно поняла? – Павел обернулся на голос. Из глубины помещения выплыла высокая сутулая девица с гладко прилизанными, собранными в хвост бесцветными волосами в длинном пестром балахоне и сапогах на шпильке. По виду – настоящий богомол, только завернувшийся в лист лопуха. Такие же замедленные движения и остановившийся взгляд, да и пластика подходящая. Как и взгляд сощуренных глаз – неподвижный, изучающий. Ассоциация со снимающим мерку сотрудником фирмы по оказанию ритуальных услуг заставила Павла передернуться, тем более что в руках у девицы он рассмотрел деревянный портновский метр. Откуда только она выкопала этот раритет – не иначе, один из предыдущих «туристов» смотался лет на пятьдесят назад и в качестве презента привёз ей эту деревяшку. Но светло-желтый кусок дерева с черными рисками упокоился в углу за манекеном, а девица неторопливо обошла Павла по кругу и остановилась в исходной точке.

– Рискну предположить, что к одежде той эпохи вы предъявляете два требования – удобство и достоверность, скажем так? Прекрасно, тогда советую вам обратить внимание вот на эту ткань, – тощая, даже костлявая конечность, обмотанная узорчатой легкой материей, указала на плотный сверток темно-серого цвета.

– Это шерсть, она изготовлена в точности по старинной технологии, но с некоторыми современными добавками. Она теплая и легкая, не мнется, в ней вы будете чувствовать себя комфортно. Мы оденем вас, – девица совершила вокруг безмолвного Павла еще один рейс, – по американской моде второй половине девятнадцатого века. Тогда идеальному американскому мужчине полагалось вести себя агрессивно и выражаться сдержанно, не иметь ни тени романтической эмоциональности и нежности. Прежний мир уходил в прошлое, его герои и образцы для подражания устаревали. До войны Севера и Юга идеальным мужчиной считался высокообразованный господин без определенных занятий, ведущий праздную светскую жизнь. В руководствах по этикету его часто именовали «безупречным джентльменом», – рассуждала «богомол» и одновременно копалась в обрезках ткани на столе. Потом замолкла ненадолго и вытащила из-под лоскутов что-то вроде альбома и принялась перелистывать тяжелые страницы.

– Вот, – ткнула она пальцем в одну из фотографий под блестящей пленкой, – мне кажется, это то, что вам нужно. Комфортно и практично одновременно – униформа мужчины будущего, каким он представлялся людям того времени. Кумиром из числа современников для мужчин того поколения был Теодор Рузвельт, а он думал больше о политике, чем о модных фасонах, и в повседневной жизни предпочитал деловой костюм, состоящий из пиджака и брюк. Обычно почти весь гардероб приобретался в магазине готового платья, а для вас мы все изготовим на заказ. Повернитесь, пожалуйста, мне нужно снять мерки, – и девица с сантиметровой лентой в руках шагнула к Павлу.

– Подождите, – шарахнулся он назад, – подождите немного. Почему именно по американской, а не по французской или итальянской? А что, если меня раскусят?

– Не раскусят. Этот фасон универсален, отличия могут быть лишь в деталях, а они несущественны. Вы считаете, что люди, прошедшие черт знает сколько времени в океане, будут

рассматривать ваш костюм и сравнивать его с иллюстрациями в модных журналах того времени? – Это уже встрял в дискуссию молчавший до сих пор юноша-консультант. – И кто это будет делать – матросы? Им будет глубоко безразлично то, что на вас надето – хоть мешок из-под картошки, они и пиджак от сюртука не отличат. Капитан? Его жена? Хотя она – да, наверное, сможет. Но опять же вряд ли – не думаю, что поглощенная заботами о двухлетнем ребенке она станет пристально изучать внешний вид незнакомца. Ей просто будет не до того, она даже не покажется на палубе в то время, когда вас вытащат из воды. Вы хоть представляете, какая в Северной Атлантике в ноябре погода?

«А ты сам-то представляешь?» – свои мысли Павел озвучивать не стал, он подчинился требованиям девицы и позволил измерить себя. Она старательно записала все цифры, потом еще минут пятнадцать обсуждали фасон. В результате получилось что-то вроде охотничьего костюма – помесь пиджака и куртки, брюки, высокие кожаные ботинки на шнуровке, выбранные по подсунутому расторопной девицей каталогу, и головной убор – нечто среднее между шляпой и кепкой. Подготовка к броску во времени входила в завершающую стадию, на изготовление «спецодежды» консультанты взяли сутки. И после того, как все дополнительные услуги были, не сходя с места, оплачены, очкарик в кроссовках вытащил из папочки и подал Павлу небольшой радостно шуршащий пакетик:

– Это бонус к заказу – вещь компактная и нужная. Спасательное покрывало, оно поместится в любом кармане, а весит всего шестьдесят граммов. Покрывало высокой прочности, оно защищает человека как от переохлаждения, так и от перегревания в течение двадцати часов, а также предохраняет его от осадков. В необходимых случаях позволяет транспортировать пострадавшего попутным транспортом в лечебное учреждение. Ну, это вам тоже не понадобится.

– Благодарю вас, – Павел взял пакетик, повертел его в руках, и снова вернул консультанту:

– Положите сразу в карман, пожалуйста. А то сам я могу и забыть.

Консультант проявил отзывчивость и понимание, пакет со спецсредством взял и пообещал собственноручно сложить его в один из карманов «охотничьего» костюма. А на прощание преподнес задумавшемуся клиенту еще один бонус:

– Вы легенду себе уже подготовили? Как – какую? А что вы скажете тем людям, которые вытащат вас на борт «Марии Селесты», каким именем назоветесь, свою биографию, наконец? Что касается вашего появления в открытом море – придумайте что-нибудь простенькое, незатейливое. Кораблекрушение отлично подойдет, на мой взгляд. Вы английский знаете? Вот и отлично, тогда рекомендую вам выдать себя за австралийца. Тем более что и внешность ваша к этому располагает.

– Внешность? При чем здесь внешность? – в который раз за последние несколько часов растерялся Павел.

– Видите ли, в чем дело. В Австралии индекс солнечной активности равен одиннадцати единицам, тогда как у нас, в средней полосе – всего трем. И количество солнечных дней в году там значительно больше, чем в Подмоскowie. А это означает, что жители Австралии очень загорелые люди. Любому другому я бы посоветовал воспользоваться гримом – тональным кремом, например, но в вашем случае это будет лишним.

– Понятно, – оборвал консультанта Павел. Ему уже был ясен ход мыслей собеседника. Действительно, узкое смуглое лицо, черные глаза и черные же (правда, чуть седеющие) густые, коротко подстриженные волосы – во всем видна кровь казацких предков. И она сейчас поможет ему выдать себя за жителя пустынного континента и сделать еще один шаг к осуществлению детской мечты. А юноша-консультант вещал дальше:

– Если что, вдруг прижмет, вы себя и за испанца выдать сможете, – бесцеремонно заявил он. Павел даже не нашелся, что сказать в ответ на неожиданный комплимент. Но и тут кон-

сультант оказался прав – для завершения образа идадьго Павлу не хватало только лихо закрученных усов и короткой острой бородки. А собеседник тем временем продолжал:

– Таким образом, вы разом убьете двух зайцев – объясните свой современный диалект и произношение, а заодно спишите все свои странности в поведении на особенности австралийской жизни. Про нее жители Старого Света тогда мало что знали, не говоря уж о Новом. В лучшем случае на карте бы нашли. Да, и еще – продумайте версию о том, как вы оказались в открытом море, что-нибудь правдоподобное, – уже в дверях, передавая Павла охраннику, посоветовал юноша, улыбнулся мерзко и стремительно сгинул.

Полночи Павел не мог уснуть, назойливые мысли лезли в голову и не давали успокоиться. Вся затея оказалась под угрозой – он не мог придумать ничего. На ум приходила уже феерическая чушь – от нападения на гипотетический корабль гигантского кальмара или спрута до столкновения с айсбергом. Впрочем, это событие действительно произошло, но значительно позже, через сорок лет после того, как в тех же водах бригантина «Мария Селеста» снискала себе славу корабля-призрака. Сон окончательно пропал, Павел поднялся с кровати и вышел из спальни. В огромной квартире тихо и пусто, кроме него и британской красавицы-кошки здесь сейчас никого. Зверь мирно дрыхнет в кресле, дети давно пристроены, обе жены, получившие внушительные отступные, счастливы с новыми мужьями в собственных домах на берегах теплых морей. И совета спросить не у кого, и помощи. Зато и помешать никто не может, ни высмеять и ни отговорить. Они и в клинике-то его не навещали, только старшая дочь позвонила несколько раз. А сын словно и позабыл о существовании отца, он даже о поездке в Швейцарию на лечение ничего не знал. Поговорил только с секретарем несколько раз, денег просил, как обычно. И как обычно, получил, но только треть от необходимой суммы. «Ничего, выкрутишься», – подумал Павел и посмотрел в окно на неспящий город. Что же придумать, что? Человек в открытом море – как он там оказался? Кораблекрушение, конечно – что еще можно придумать. А что бы сказал человек из девятнадцатого века, окажись он в сегодняшней Москве? «Сами мы не местные» если только. Можно, конечно, прикинуться экзальтированным иностранцем, тем же австралийцем по совету очкастого консультанта, так ловко раскрутившего клиента на оплату дополнительных услуг. «Буду действовать по обстановке, в крайнем случае прикинусь глухим или немым. Или все сразу – за сутки они не разберутся, не успеют, а я увижу все, что мне нужно», – здравая мысль пришла после продолжительной прогулки по прохладным темным комнатам. И сразу потянуло в сон, уже в полудреме Павлу пришло странное, даже неуместное сейчас сравнение. А чувства-то похожи: «завтра ты умрешь» и «завтра исполнится твое заветное желание», оказывается, почти не отличаются между собой. Во всяком случае, по напряжению и остроте ожидания того и другого.

– Прекрасно, просто прекрасно выглядите. Вам очень идет, – сообщил Сергей Рудольфович готовому к броску туристу. – А это ваш багаж, здесь ровно одиннадцать килограммов. Небольшой недобор, но это ничего, главное, чтобы по возвращении вы не превысили лимит. Да, впрочем, вам это и не удастся сделать. Прошу вас.

Павел взял из рук финдиректора толстенький саквояж, изготовленный из водонепроницаемой ткани «под кожу», осмотрел его блестящие тугие бока, повернул язычок замка. Оставшееся снаряжение аккуратно уложено внутри, в последовательности предполагаемого использования. «Консультант» свое обещание не забыл, пакет с водоотталкивающим покрывалом удобно устроился в боковом кармане «охотничьего» пиджака.

– Проверьте все еще раз, на всякий случай, – финдиректор хлопотал возле клиента, как встревоженная наседка, – чтобы не было потом мучительно больно, так сказать. Ничего не забыли? Хорошо, сейчас на биометрию, а потом присядем на дорожку...

– Биометрия? – слово неприятно перекликалось с осточертевшим «биохимия», и заставило Павла насторожиться.

– А как же, непременно, в обязательном порядке, – застрекотал Сергей Рудольфович, – но это не страшно, не больно и не займет много времени. Прошу вас, в лаборатории нас уже ждут. – Он приглашающе распахнул дверь своего кабинета, пропустил Павла вперед, а сам засеменил сбоку и чуть позади.

– Мы же должны идентифицировать вас на входе, произвести верификацию по возвращении, а для этого нам необходимо иметь ваши статические и динамические биометрические параметры: отпечатки пальцев, геометрия руки, сетчатка глаза, динамика воспроизведения подписи или рукописного ключевого слова, голос. Но вы не беспокойтесь, дальше этих стен информация не уйдет, за этим мы следим строго.

Процедура действительно прошла быстро, измаявшиеся от безделья лаборанты Павла надолго не задержали. И отпустили на свободу, вновь передав в руки финансового директора проекта.

– Ну, вот видите, я же говорил. А теперь сюда, пожалуйста, в эту дверку, – Сергей Рудольфович предупредительно забежал вперед, толкнул тяжелую дверь с бронированным стеклом и пропустил Павла вперед. Тот шагнул через порог и завертел головой по сторонам.

– Сюда, пока сюда, – осторожно тронул Павла за рукав «охотничьего» пиджака финдиректор, – сначала надо надеть все остальное.

Гидротермокостюм на Павла надевали сразу трое – очкастый юношаконсультант, безмолвный лаборант и финансовый директор. Правда, последний ограничивался лишь советами и общими замечаниями, он держался поодаль, оказывая хронотуристу и сотрудникам лаборатории лишь моральную поддержку. Пока надевали негнущиеся штанины, продевали руки в рукава и фиксировали все уплотнительными захватами, пока натягивали капюшон, выгоняли вверх воздух из штанин, Павел успел взмокнуть. Но вот, наконец, застегнули последнюю «молнию», на голову натянули капюшон и застегнули клапан, закрывающий нижнюю часть лица. Сергей Рудольфович придирчиво осмотрел «упакованного» туриста, и, судя по маслянистому взгляду, результатами остался доволен. Саквояж пристегнули к карабину спасательного пояса, и руки Павла теперь были свободны.

– Напоминаю – сначала плот, затем сигнальный огонь. И сразу избавляйтесь от гидрокостюма, чтобы избежать лишних вопросов. На вашем месте я бы и плот утопил, чтобы избежать ненужных расспросов про странную ткань и неизвестные технологии, – распинался порозовевший от физической нагрузки консультант. Лаборант в белом стоял поодаль и в дискуссии участия не принимал.

– А вот теперь – пройдемте, – финансовый директор снова оказался рядом, взял Павла под руку. С другой стороны клиента подхватил юноша в очках, и они вдвоем повели ставшего неповоротливым и неуклюжим туриста в соседнее помещение. На этот раз стеклянная дверь перед ними, мелодично тренькнув, открылась сама, и Павел оказался в самом сердце научно-исследовательского института – фирмы «Хронотуризм». Странное местечко – ни устрашающего вида приборов и оборудования, ни дымящихся колб и реторт, ни пробирок с цветным содержимым. Да и сама круглой формы комнатенка невелика, зато потолок прозрачный, куполом, а под ним что-то вроде боксерского ринга, только без канатов-ограждений по бокам. И три безмолвных «специалиста» в белых одеждах поблизости.

– Проверьте все еще раз, – заботливо напомнил финдиректор.

Чего проверять, когда все давно сдано в «камеру хранения» под расписку ответственного сотрудника лаборатории. Выключенный мобильный телефон, бумажник с наличными и кредитками, дорогие наручные часы и еще кое-какая мелочь сложены в металлический ящик и убраны в индивидуальную банковскую ячейку. При себе Павел оставил только пистолет. Компактная, весом всего четыреста десять граммов, предназначенная для скрытого ношения, «Беретта» 3032 Tomcat под патрон 7,65 мм, лежала в кобуре на левой голени, укрытой штаниной из темно-серой в клетку ткани.

– Пусть будет. Я к нему привык, – пояснил Павел в процессе подготовки к переброске, и возражений от помощников и «консультантов» не услышал.

Действительно, пусть будет. Как и пара упаковок с антибиотиками в ручной клади, замаскированной под саквояж. Хотя и продлится путешествие всего сутки, лучше быть готовым ко всему. Черт его знает, что у них там, на «Марии Селесте» произошло на самом деле – вдруг, это действительно был бунт или чума? Это, кстати, одна из основных версий произошедшего, что неудивительно. Чума, холера, желтая лихорадка, дизентерия и цинга в течение целых столетий считались бичом мореплавателей всех стран и континентов. Низкий уровень санитарии, отсутствие нормальных условий для хранения воды и пищи на парусниках – все это приводило к вспышкам эпидемий, нередко становилось причиной гибели всей команды корабля. «Завтра ты будешь знать все», – Павел осмотрелся еще раз.

– Я готов, давайте начинать.

– Прекрасно, – Сергей Рудольфович сделал приглашающий жест рукой и указал Павлу на центр «ринга», покрытого скользким светлым синтетическим материалом.

– Сюда, да-да, все правильно, теперь стойте так, не двигайтесь, – финдиректор обошел вокруг стоящего в центре стартовой площадки клиента, убедился, что все в порядке и негромко приказал в темноту:

– Давайте.

Одна из облаченных в белое фигур отступила за край освещенного пространства, в темноте слева негромко что-то лязгнуло. Павел вздрогнул невольно и повернулся в ту сторону. Странно как-то это все, странно и непонятно – ни кресла нет, ни стула какого завалящего... Ему что теперь – так и стоять столбом всю дорогу... Но высказаться Павел не успел – лаборант вернулся. Некто неопределенного пола и возраста в белом облачении приближался к центру ринга и нес в обтянутых перчатками руках круглый металлический поднос. На нем – стакан с водой и крохотное фарфоровое блюдце с лежащей на нем то ли капсулой, то ли гомеопатическим шариком. Лаборант остановился перед Павлом и замер, зато вновь активизировался Сергей Рудольфович.

– Вот, прошу вас – то, что вы заказывали. Нанокристалл нового принципа действия, микросхема в токопроводящей биоактивной оболочке, растворяемой желудочным соком. Именно она даст вам возможность переместиться в прошлое. Вы глотаете капсулу, и, как только биоактивное покрытие кристалла начинает растворяться, он вступает во взаимодействие с энергетическим полем человека, и хронотурист, то есть вы, исчезаете из настоящего. И появляетесь на борту «Марии Селесты». Вернее, не совсем на борту... – тут речь финдиректора прервалась, он закашлялся и даже покраснел. От торжественности момента, надо полагать.

Павел недоверчиво изучал предложенную пилюлю. «И вот за это я отдал такую прорву денег...» – но вслух произнести это не успел. Финдиректор пришел в себя и снова заворковал – плавно, настойчиво и убедительно:

– Время пребывания человека в прошлом зависит от толщины оболочки. Как только оболочка растворится полностью, и желудочный сок начнет разрушать микросхему, вы вернетесь сюда. Не надо сомневаться или опасаться чего-либо, все давно изучено, проверено, а по результатам испытаний в микросхему и состав оболочки были внесены соответствующие дополнения и улучшения. Биоактивная оболочка кристалла растворяется практически моментально и тут же вступает во взаимодействие с организмом. А организм, то есть вы, перемещается туда, куда вам надо. В Атлантику девятнадцатого века. Ну, смелее, – финдиректор извлек поднос из рук лаборанта и самолично подал металлическую тарелку Павлу. Отступать было некуда, хоть и выглядело все несерьезно, скорее даже глупо, а еще точнее – по-идиотски. «Не садись на пенек, не ешь пирожок» – мелькнула чертовски своевременная предостерегающая мыслишка. Пенька-то как раз и не предложили, а вот что касается пирожка... Павел подхватил кончиками пальцев чудодейственный нанокристалл, бросил его в рот и проглотил, не запив

водой. К туристу кинулись сразу двое сотрудников, помогли натянуть ему на руки толстые резиновые перчатки и прикрепили их к рукавам гидротермокостюма, и сразу отбежали назад.

– Теперь быстренько, быстренько вот сюда, саквояжик свой не потеряйте, так, так, все правильно, – комментировал процесс подготовки к старту Сергей Рудольфович, но уже со стороны. Он метался по периметру площадки и не сводил с хронотураиста глаз.

– Сутки, – кричал он, – помните, у вас ровно сутки! Через несколько секунд вы окажетесь в точке вашего прибытия с рассчитанными координатами! Запомните, сейчас шесть часов пятнадцать минут утра! Завтра в это же время вы вернетесь назад! Я буду ждать вас! Желаю вам приятного путешествия!

Но к крикам финдиректора Павел не прислушивался. Он по совету лаборантов присел на корточки, поставил саквояж себе на колени и обнял их руками. И замер в этой нелепой позе, еле сдерживаясь, чтобы не прекратить эту комедию. «Какая чушь! – крутилось у него в голове. – Глупость и идиотизм! Разве так все это должно происходить... » Подумать о чем-то другом Павел не успел. Желудок сжался, виски сдавило, и перед глазами полыхнули один за другим, без паузы, два ослепляющих искрящихся фонтана. И сразу все исчезло – не постепенно, как в тумане, а резко, словно выключили свет. Длилось все долго, так долго, что Павлу показалось: еще немного – и он заснет. А потом раздался увесистый шлепок о воду и пошел дождь.

Он все лил и лил, не переставая, холодные тяжелые капли падали на лицо, заливали глаза и попадали в рот. Вкус у них был соленый – к дождю прибавились брызги морской воды, и пока Павел извлекал и надувал плот, пока карабкался на него, он успел вдоволь нахлебаться океанской водички. Полежал на животе, отдышался и посмотрел вокруг. Но ничего, кроме рябой от дождевых кругов мутной, стального цвета воды вокруг себя не увидел. Пропало и небо, оно слилось с волнами, соленые ледяные брызги летели сверху и снизу одновременно. Павел приподнялся на качающейся платформе, со второй попытки уселся в ее центре и принялся избавляться от гидротермокостюма. Первым делом кое-как зубами отодрал застёжки перчаток и сразу передумал торопиться. Холод и ветер заставили Павла хорошенько призадуматься – а надо ли «раздеваться»? А если все, что происходит вокруг, просто инсценировка? С этих умников станется – вырубili клиента несильным снотворным, перетащили в бассейн, включили «душ»... «Ага, и ветер тоже», – Павел принялся расстегивать многочисленные «молнии» и кнопки на прорезиненном ярко-оранжевого цвета «скафандре». Скоро комбинезон вместе с ботинками плавал рядом с плотом, отстегнутые перчатки улетели в воду еще раньше. Но индивидуальное спасательное средство тонуть не желало, оно болталось в волнах рядом с краем надувного плота и шевелило конечностями. Вода перехлестывала через него, увлекала за собой в сторону, пыталась утащить на глубину, и тут же возвращала обратно.

Павел до самого носа закутался в спасательное покрывало и наблюдал то за ярко окрашенной «шкурой» в воде, то осматривался по сторонам. Но ничего, кроме серой пелены дождя, низких облаков и беспокойной толщи воды вокруг не видел. «Шесть часов утра», – вспомнились ему слова Косовского. Неудивительно, что сейчас так темно – это предрассветные сумерки, вот и все. Скоро взойдет солнце, разгонит облака, дождь прекратится, и бригантина будет видна издалека. Поэтому огонь спасательный самозажигающийся не понадобится... Огонь! Он лежал в водонепроницаемом саквояже! Павел обернулся рывком и едва удержался на своем хлипком плавсредстве. Шуршащее, как фольга покрывало, немедленно вырвалось из рук и едва не улетело в серую муть. Павел успел удержать кусок фольги за хвост, снова завернулся в действительно сохраняющую тепло ткань и снова оглянулся, но уже осторожнее. Так и есть – саквояж исчез. «Да он же пристёгнут к гидрокостюму!» – мысль мелькнула, как молния. А самой «шкурки» уже почти не видно, ее относит ветром и течением, как и сам плот. Павел улегся на живот, подполз к краю плота, опустил руки в ледяную воду и скрипел от холода. И вспомнил, что по одной из версий следствия причиной исчезновения эки-

пажа «Марии Селесты» стали именно соревнования по плаванию. Якобы матросы на спор решили устроить заплыв вокруг судна, а за состязанием с корабля, вернее, с наблюдательной площадки, следили все оставшиеся на борту члены экипажа. В какой-то момент площадка не выдержала, подломила, и все оказались в море. Кто не умел плавать – утонули, остальных слопали подоспевшие акулы. Зато сейчас, на собственной шкуре стало понятно, что эта версия летит к чертям. «Плавать в такой воде могут только моржи», – Павел по локоть засучил рукава серого «охотничьего» пиджака и теплой водолазки, и теперь «греб» вслед уплывавшему гидрокостюму. Саквояж вон он, там, где и должен быть – на спасательном поясе, только костюм перевернулся в воде и накрыл «багаж» собой. С мокрой тяжелой тканью пришлось повозиться, но, в конце концов, мокрый и холодный, как собачий нос, саквояж оказался на плоту.

Павел подтащил багаж к себе поближе, уселся, снова закутался в покрывало и осмотрелся по сторонам еще раз. Ничего не изменилось, если не считать того, что к дождю и тучам прибавился туман. Легкая дымка стелилась над водой, как пар над чашкой с горячим чаем, скользила над дрожащей серой рябью и густела на глазах. И никакого намека на просвет – ни в море, ни в небе. Придется включать подсветку. Павел подышал на озябшие руки, несколько раз бодро хлопнул в ладоши и потянулся к саквояжу. Но замер на полпути и, вместо того, чтобы взяться за замок, согнул левую ногу в колене и потянулся к кобуре с «Береттой». Слева в невысоких волнах показалось на миг нечто темное и быстрое, мелькнуло на фоне дождя и тумана, и сразу исчезло. Павел выпрямился, попытался подняться на ноги, но тут же передумал – удержаться в вертикальном положении при усилившейся качке он не смог бы. Без опаски передвигаться по плоту можно было только ползком или на четвереньках. Павел одной рукой схватил саквояж, поставил рядом с собой и накрыл «полой» накидки. Нечто появилось снова, только уже ближе, и снова на поверхности воды не задержалось. Павел крутил головой во все стороны, вглядывался в дождь и густеющий на глазах туман, но зря – все тонуло в серо-молочном мороке. За спиной что-то негромко плеснуло по воде, Павел обернулся рывком, задрал штанину и вцепился в рукоять пистолета. Но на «Беретту» надежды мало, это понятно и так. Тому, что приближалось сейчас к плоту, эти пули не страшны, оно их просто не почувствует. Часть серой, с синим отливом спины монстра, поднялась над волнами, черный плавник с тихим жутковатым свистом рассек воздух и снова ушел под воду. Павел не сводил с покрытой дождевыми кругами и рябью поверхности воды взгляд. А чудовище не показывалось, оно словно почуяло страх беспомощного человека и теперь дразнило его, играло с ним в свою игру, по своим правилам. Прошло минуты полторы, не больше, когда острый треугольной формы плавник снова взметнулся над водой, но уже в пене и поднял вокруг себя фонтан соленых брызг. Плот закачался на поднятых волнах, и его отнесло немного назад и в сторону. «Акула? Или все же дельфин? Нет, вряд ли, они держатся стаями, а эта... это... оно одно», – Павел не сводил взгляда с почти скрывшегося под водой плавника, стараясь вспомнить хоть одно из известных ему названий населяющих воды Атлантики морских хищников, но на ум упорно приходило только одно. «Хорошо, что это не синий кит», – Павел представил себе глыбу мышц весом под двести тонн и длиной больше тридцати метров, плавающую рядом с его плотом. И тут же успокоился, пришел в себя. Да, это не синий кит, но если эта тварь еще раз подойдет близко или хлопнет хвостом по воде, плоту все равно придет конец. А также сидящему на нем человеку – в ледяной воде ему не продержаться и получаса. Что там говорил этот умник из лаборатории? «В случае гибели человека его энергетическое поле исчезает, и труп возвращается в приемную камеру...» – да, кажется, это звучало именно так.

– Давай, вали отсюда, – прикрикнул на распоясавшуюся рыбину Павел. Мысли заставили от намерений перейти к действиям – оплачены всего сутки, и из них прошло уже... Да, а сколько, интересно, прошло? Час, полтора, два? И платил-то он не за то, чтобы в компании этой холодной и мокрой твари по волнам болтаться. Павел завернулся поплотнее в блестящее и шуршащее покрывало, открыл, наконец, саквояж и вытащил оттуда целый набор сигнальных

средств. На этот арсенал Павел не поскупился, приобрел все, что обнаружил в каталоге, в двойном количестве. И первым делом пустил в ход красный файер, а за ним – белую «дымовуху». То ли рыбине не понравился запах, то ли ей просто надоело, и она соскучилась развлекать необщительного пассажира плотика, но она быстро нашла себе новое занятие. Павел отшвырнул использованный фальшфейер в воду и потянулся за следующим, когда акула исчезла. Но убралась она недалеко – ткнулась во все еще дрейфовавший неподалеку полузатопленный гидрокостюм, поддела его носом и утащила за собой под воду. Да так и исчезла вместе со «шкурой» неведомого зверя, а Павел снова остался один. В который по счету раз он огляделся по сторонам, пытаясь высмотреть хоть что-то в мороси и тумане, и снова уселся, обняв колени, в центре своего крохотного плота. Вокруг не происходило ничего, время, словно, остановилось, слышался только плеск волн и шорох дождевых капель. «Вернусь – подам на них в суд. Всю сумму назад потребую и компенсацию. Сволочи, только бы денег содрать», – строил планы мести Павел. А что чему еще оставалось делать в свое оплаченное время? Да еще и находится он неизвестно где – кто поручится, что забросили его именно в расчетную географическую точку? И где гарантия, что над головой, там, где нет ни тумана, ни облаков, не летят самолеты, а мимо не идут огромные современные суда? Не попасть бы под винты – тогда ровно через сутки обратно вернется то, что осталось... Павел насторожился и снова закрутил головой. Где-то рядом что-то происходило, кто-то приближался из тумана, но пока прятался за пеленой дождя. И медленно, очень медленно, как во сне или после наркоза на молочно-сером фоне проступил силуэт небольшого корабля. По его оснастке можно было определить, что это бригантина – двухмачтовое судно с прямыми парусами на передней мачте и с косыми, как у шхуны, – на задней. Павлу даже показалось, что он слышит плеск крутых волн, ударявшихся в борт корабля, и легкий свист ветра в его туго натянутых вантах. Но нет, бригантина была слишком далеко, а плеск – это шум от весел приближавшейся к «потерпевшему кораблекрушение» шлюпки.

«Я – глухонемой из Австралии!» – мигом вспомнил Павел заранее подготовленную легенду и замахал руками. От резкого движения плот под ним заходил ходуном, край его опасно накренился, и через его прорезиненную поверхность перехлестнула волна. Невесомое спасательное покрывало немедленно вырвалось из рук и улетело прочь. Но Павел потери не заметил, он даже не обратил на нее внимания, не в силах отвести взгляд от подхлотившей к нему шлюпки. В ней находились двое, один сидел на веслах, второй стоял на коленях на передней банке и, вытянув шею, смотрел прямо перед собой.

– Сюда! – в восторге и одновременно стуча зубами от холода, проорал Павел, и тут же осекся, но поздно. По воде дружно ударили весла, шлюпка повернула нос, обошла плот и остановилась, закрыв сидящего на нем человека от ветра. Оба матроса оказались у правого борта шлюпки, вытянули руки вперед и помогли Павлу влезть внутрь. Он плюхнулся на кормовую банку, прижал к себе саквояж и уставился на своих спасителей. Они сидели напротив – оба невысокого роста, одеты в робы и штаны из грубой серой ткани, и тяжелые ботинки. На голове у одного зюйдвестка с широкими полями, рыжую шевелюру второго свободно треплет усиливающийся ветер. Оба бородатые, лица обветренные, глаза чуть прищурены, у одного – в левом ухе серьга, у второго, в шляпе, над верхней губой виден старый, давно заживший белый шрам. И оба молчат, глядят то на дрожащего от холода человека на корме шлюпки, то друг на друга.

– Добрый день, очень вам признателен, большое вам спасибо! – Павел повторил эти слова на всех, известных ему языках, но ответа не дождался, матросы беседу не поддержали. Тот, который с серьгой, уселся на весла, второй матрос, на вид постарше первого, остался напротив Павла и, не стесняясь, принялся изучать чужака. И смотрел он без угрозы, без чувства собственного превосходства и без насмешки – просто рассматривал Павла, как заморскую диковину или редкого зверя. А шлюпка уже быстро шла против ветра сквозь холодный, почти зимний туман к дрейфовавшей неподалеку бригантине. Она постепенно выступала из мороси и дымки, контуры корабля приобрели четкость и цвет. Черный, как зола, борт без полутон и

оттенков, и такого же цвета были фигуры и лица людей, смотревших с борта вниз. Эти трое, чуть в стороне – наверняка, матросы, они и выглядят почти так же, как и те, кто сидит вместе с ним шлюпке. Рядом еще один, но он лишь глянул быстро вниз и тут же исчез. Зато остальных Павел узнал сразу, он уже видел их раньше на старых фотографиях. Вон тот, остановившийся неподалеку молодой человек со светлыми усами, ухватившийся левой рукой за канат, это наверняка Альберт Ричардсон, помощник капитана. Самого капитана не видно, зато показавшуюся на мгновение женщину Павел узнал сразу. Сара Элизабет Бриггс собственной персоной, жена капитана, сопровождавшая мужа в его последнем плавании. Значит, здесь должна быть и их дочь – двухлетняя София Матильда Бриггс.

Шлюпка шла рядом с бортом бригантины, а Павел все сидел, задрав голову вверх. Он никак не мог отделаться от ощущения, что смотрит на мир вокруг себя словно сквозь мокрое мутное стекло. И корабль – вот он, качается на волнах совсем рядом, только протяни руку и коснись пальцами холодного мокрого дерева. И люди, те, чья странная судьба и необъяснимая смерть волновали его столько лет, тоже близко, и все они здесь, все пока живы и здоровы. И все похоже на кадры при замедленной съемке, время движется медленно, растягивается и норовит вот-вот остановиться совсем. Да еще и лица людей вдруг помутнели, расплылись в сизой дымке, и Павел почувствовал, как страх становится сильнее холода. Павлу показалось, что с борта еще не успевшего стать призраком корабля смотрят души тех, кто сгинул тогда в океане. А отступать поздно – шлюпка уже подошла к забортному трапу. Павел поднялся на затекшие от долго сидения и от холода ноги и медленно, цепляясь за поручни, начал подниматься по деревянным ступенькам вверх. Саквояж вдруг стал неподъемным, тянул вниз, ноги отказывались подчиняться, отяжелели, Павел оступился несколько раз и оглянулся назад. Но кроме покрытой серой рябью поверхности воды не увидел ничего, исчез даже крохотный плот. Отступать было некуда, дорога вела только вперед. А на палубе его уже ждали, высокий подтянутый молодой человек в белой (офицерской) форме уже быстро двигался навстречу новому пассажиру. А следом за ним показался другой человек, и в нем Павел узнал капитана Бенджамина Бриггса. Трое матросов сделали несколько шагов вперед и остановились, пропуская начальство вперед. Воздух и туман сгустились, стали липкими и тягучими, люди двигались в нем плавно и медленно. Павел, как сквозь вату, услышал за спиной шаги поднимавшихся по трапу следом за ним матросов, их голоса. Павел сделал шаг в сторону и обеими руками вцепился в свой саквояж, огляделся затравленно. Ему почему-то пришла на ум дикое сравнение: этот корабль – плавучее кладбище, а те, кто на нем – как восставшие из могил мертвецы. Или не восставшие, а наоборот – жаждущие упокоения. «Их же никто не похоронил тогда... Ты бы еще на «Летучий Голландец» тур купил» – здравая мысль пришла, как всегда вовремя. Впереди оставалось еще часов двадцать, не меньше, и как прожить, как продержаться эти неполные сутки до своего возвращения домой...

Справа, со стороны носового трюма, раздался сильный хлопок, затем треск и грохот. Все, шедшие навстречу Павлу люди остановились, замерли на мгновение, развернулись и дружно бросились назад. Матрос, тот, с серьгой, шедший следом за Павлом, непочтительно оттолкнул его и, тяжело топая по мокрой палубе подошвами башмаков, побежал следом за всеми. Второй не отставал, и через мгновение палуба опустела, Павел остался совершенно один. Он осмотрелся еще раз, но толком ничего не понял – увидел высокие тонкие мачты, мокрые паруса на них, доски палубы под ногами – все, как присыпанное пеплом. Но в ту же секунду все изменилось – взрыв, словно разогнал низкие тяжелые тучи. Дождь прекратился, и сквозь прорехи в облаках на мокрые доски палубы «Марии Селесты» упали первые солнечные лучи. И все преобразилось, вернулись краски, запахи и звуки, светло-серые паруса захлопали над головой, порыв ветра едва не сорвал с головы кепку. Павел успел подхватить ее и прислушался к крикам, смог даже разобрать несколько слов. Все верно, это и был тот самый взрыв, когда в носовом трюме бригантины рванули скопившиеся там пары спирта. И поэтому люковые крышки,

отброшенные взрывной волной, оказались перевернутыми. А что делается на корме? Там лючные крышки должны быть аккуратно сложены – их, наверняка, сняли еще раньше по приказу капитана, чтобы проветрить трюм. Ведь был еще один взрыв, и именно на корме, но гораздо слабее этого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.